

An Easter Carol for Edward Taylor
in memory of Michael Powell.
Translated by Adil Valikhanov

Пасхальный хорал для Эдварда Тэйлора
Памяти Майкла Пауэлла

Хлебов поля продолговаты и желты
Под солнцем Палестины.
Созрев, они налились плотью
И виноградник на холме
Несет свой горький плод.

Сюда, где словно бы от каравая,
От человека оторвали плоть,
Где годы начали отсчет,
Когда младенец был рожден,
Иду – отведать Слово.

Передо мной застыли
Стефан с камнями,
Ставшими хлебами от любви
И Зеведеев сын Иаков,
Несущий неумолчную главу.

Филипп с Петром, с обломанными
Древями крестов своих
Варфоломей со свертком на руках -
Своею содранною кожей.
Фома из Индии

С копьем, его пронзившим,
И милый Себастьян –
Принявший стрел поток,
Агата с сердцем,
Вопиющим болью.

Перпетуя с новорожденным
Дитём, к её груди прильнувшем,
Её раба Фелицитата, чье дитя
Едва родившись,
Растерзано зверями,

Что руки, ноги вырывали у живых,
А ныне – кротко и униженно бредут
Чтобы склониться в Вифлееме,
Как овцы и волы
Склонялись в первый день.

И Киприан и Поликарп
Желавшие уйти,
но очарованные гением-младенцем
Ошеломившим их из колыбели.
И отблески мучительных костров.

Комментарий:

Я упомянул Эдварда Тейлора и это стихотворение в нашем разговоре. Поводом для стиха стал тщательно продуманный придел в стиле барокко в городской церкви Тлаколула, штат Оахака, в котором в ярчайших деталях изображены пятьдесят или шестьдесят основных мучеников.

Скульптуры, которые здесь описаны, по большей части придуманы мной для стихотворения — я не могу утверждать, что все или некоторые из героев на самом деле изображены в камне. Но они соответствуют духу храма и теме стихотворения...

Стихотворение посвящено замечательному ученому-библиотекару по имени Майкл Пауэлл, одному из выдающихся работников библиотеки Четемского колледжа - моему дорогому другу, который многому меня научил и с которым я часто делил замечательные трапезы. Стихотворение было прочитано на его похоронах в Манчестерском соборе.

Антипа, словно в раскаленном гриле -
В Домициановом быке из меди
И мученики на кострах
Его святые годы озаривших,
И Позже – Дева Орлеана.

И в северном краю
Кранмер, а после - Ридли,
Растопка трансцендентная,
От неё - заговорили
Нам понятной речью языка огня.

Они восходят на Голгофу
Неся бесценные дары, какими
Лишь Африка делится может.
Здесь именно, где из утробы девы
Пролилось вино,

Неверие и вера,
Безбожники и правоверные - склонитесь,
Ведь, что бы истиной ни стало,
Но вырастет то самое дитя,
На ком оттиснуть сможем мы

Страх, ненависть и страсть,
Пронзим его мы насквозь,
И погребем во всех могилах.
Мы это сотворим по Книге.
Иду – отведать Слово.